

СОЛНЦЕ

РОССІИ

Условія подписки на худож. иллюстр. журналъ „СОЛНЦЕ РОССИИ“

безъ приложеній альбомовъ: на годъ—4 р., на 8 мѣс.—2 р. 75 к., на 7 мѣс.—2 р. 50 к., на 6 мѣс.—2 р. 25 к., на 3 м.—1 р. 50 к., 1 м. 40 к. Съ прил. 6 худож. альбомовъ: на годъ—7 р., на 6 мѣс.—4 р., на 1 мѣс.—58 к.

БЛИГКЕНЪ и РОБИНСОНЪ

Шоколадъ, Печенье и Конфекты.

ИДЕАЛЪ ЖЕНЩИНЫ ЕСТЬ И ОСТАЕТСЯ БЕРЕЗОВЫЙ КРЕМЪ

Приготовленный въ Лабораторіи А. ЗНГЛУНДЪ.

Березовый Кремъ, какъ дерматологическое и косметическое средство придаетъ кожѣ лица естественную свѣжесть и мягкость и употребляемое съ успѣхомъ противъ веснушекъ, желтизны, пятенъ, красноты и вообще болѣзненныхъ ненормальностей кожи лица, рукъ и тѣла. Березовый Кремъ пользуется большимъ спросомъ въ теченіе 36 лѣтъ, какъ въ Россіи, такъ и во всѣхъ иностранныхъ государствахъ, и по своимъ неоспоримымъ качествамъ, въ сравненіи съ другими кремами, остается до сихъ поръ незамѣненнымъ. Цѣна фарфоровой банки высшаго качества: туалетный 3 руб., съ пересылкою 3 р. 50 к.; цѣлебный 1 р., съ пересылкою 1 р. 50 к.; полбанки 60 к., съ пересылкою 1 р. Для предупрежденія поддѣлокъ прошу обратить особенное вниманіе на подпись А. Знглундъ красными чернилами и марку С. Петербургской Косметической Лабораторіи, которая выйдеть на всѣхъ этикетахъ.

Получать можно во всѣхъ лучшихъ аптекахъ, аптекарскихъ, косметическихъ и парфюмерныхъ складахъ Россійской Имперіи Главныя агентства и склады фирмы для Европы: Гамбургъ—Змильбергъ; Вѣна—Лео Глаубаухъ, Кернеръ Рингъ; 3; Ницца—Е. Лотаръ; для Южной и Сѣверной Америки: Нью-Йоркъ—Д. Мишнеръ, Главный складъ для всей Россіи А. ЗНГЛУНДЪ, С. Петербургъ, Новодеревянская набережная, 15. 3167

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ

Справки по дѣламъ въ суд. и админ. учрежд. Консультаціи; составленіе договоровъ, апел. и кассац. жалобы, тяжбыныя и дѣловыя бумаги, дѣла о разводахъ, дѣловыя совѣты, дѣла о юрисд. о высшихъ образцовъ. Караванная, 3, кв. 8. Тѣлф. 82-43. Приемъ от 10—11 утра и отъ 6—8 вечера.

ГОНЧАРЪ,

выдѣлка разной глиняной посуды: чашекъ, горшковъ, противней, мисокъ, латокъ, кувшиновъ, горшковъ для цвѣтовъ и пр. Составилъ М. Новгородскій. Съ 2 рисунками. Цѣна книги 30 коп., съ пер. и нал. плат. 55 коп. С. Петербургъ, Троицкая ул. д. 15/17. магаз., Книжный Поставщикъ“

Въ разсрочку безъ поручителей только для провинціи только германскія лучшія міра швейцарскія машины „ФАФФЪ“. Моя цѣль: повсемѣстно доказатьъ быть хоть одинъ образецъ, т. е. почти всѣ торговцы пока не умѣютъ продавать этотъ сортъ, а ищутъ дешевыя машины. Другія машины дешево за деньги. Ищу агентствъ. К. Натальскъ суп. съ 1872 г. Москва, Кузнецкій мостъ 13.

НОВАЯ КНИГА.

О. МИРТОВЪ.

„ЯБЛОНИ ЦВѢТУТЪ“

Романъ. Ц. 1 р. 50 к.

Обл. А. Арнштама. Изд. кн. маг. В. М. Попова.

СРЕДСТВО ОТЪ ГЕМОРРОЯ

ХИМИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ
ПРОФЕССОРЪ ДОКТОРЪ ПЕЛЬ и СЫМОВЪ

С. ПЕТЕРБУРГЪ, Вас. о-ва 7-го А. № 18

ПРОКТОЛЬ-ПЕЛЯ

ПРОСТОЛЬ-РЕНІ

Суперинтерн (свѣчки) противъ ГЕМОРРОЯ Останавливаютъ КРОВОТЕЧЕНІЕ (иррадируютъ спиральную оболочку и способствуютъ суживанію и подтягиванію шнурка) Устраняютъ БОЛЬ, ЗУДЪ и ЖЖЕНІЕ. Оказываютъ ПРОТИВОВОСПАЛІТЕЛЬНУЮ дѣйствію
Цѣна коробки 1 р. 50 к.

„СОЛНЦА РОССИИ“

СЪРОВЪ

г.г. подписчикамъ II-го изданія

нца Россіи“

цемъ номеръ—3 августа.

945578

P. d.

ПЕРВЫЙ ДЕБЮТЪ ОСТАПКИ.

Р а з с к а з ь .

«Femme partout» стало роковымъ девизомъ всей жизни Остапки только на двадцатомъ году.

Изъ-за женщины онъ поступалъ три раза въ университетъ и изъ-за женщины же три раза бросалъ университетъ. Женщины же поссорили его съ отцомъ, изъ-за нихъ же онъ занимался контрабандой, летѣлъ на край свѣта, чортъ знаетъ куда и зачѣмъ, дрался на дуэли, писалъ стихи, выучился танцевать, тонулъ, пилъ и, вообще, выкидывалъ невѣроятные фокусы. Однимъ словомъ, это онъ довели его до того, что мысль о существованіи безъ нихъ ему казалась рѣшительно невозможной. Онъ стали ему необходимы, какъ необходимъ чловѣку воздухъ, хлѣбъ, сонъ или рыбъ вода. Только въ ихъ обществѣ онъ былъ оживленъ, рѣчь его бли стала остроуміемъ, въ глазахъ прыгали искорки воодушевленія и энергіи—онъ дѣйствовали на него, какъ сильное наркотическое средство.

И это—всякая, а если онъ видѣлъ передъ собой маленькій ротъ, красивыя руки и изящныя ножки, то Остапка доходилъ до 80 по Реомюру. Въ концѣ концовъ, вѣдь, женщины такъ разнятся межъ собой физической красотой, что трудно остановиться на какомъ-нибудь одномъ идеалѣ. И какой-бы ни взять идеаль, у него обязательно будетъ маленькій ротъ, красивыя руки и изящныя ножки, а если взять женщину съ красивыми руками, изящными ножками и маленькимъ ротомъ, то, само собой разумѣется, что все остальное обязательно должно быть пропорціональнымъ и по формѣ и по размѣру. Именно красивыя губы придаютъ лицу нѣчто неотразимо очаровательное, а красивыя руки и изящныя ножки не могутъ принадлежать женщинѣ, которая не была-бы хорошо сложена. Остапка увѣрялъ, что ни разу не спотыкался на своей теоріи, но это въ сторону: важнѣе знать, чѣмъ онъ самъ бралъ?

Правда, онъ былъ строенъ собой, не лишень изящества, обладалъ пріятнымъ голосомъ, брэнчалъ на фортепіано и умѣлъ рассказывать. У него были тѣ самыя «кари очи», о которыхъ поютъ всѣ украинскія пѣсни, бородака а la Napoleon, немножко темнѣе пѣвца соломы и такая же шевелюра, поэтически вздохмаченная.

Но все это не то, чѣмъ онъ бралъ. Было въ немъ, въ его

обращеніи съ ними что-то такое особенное, неуловимое, что заставляло ихъ болтать съ нимъ такъ же непринужденно, какъ межъ собой. Онъ умѣлъ къ концу перваго часа знакомства втянуть ихъ въ оживленную, чрезвычайно интересную бесѣду съ отгѣнкомъ задушевной фамиллярности и завоевать дружески интимныя отношенія.

Онъ зналъ толкъ во всѣхъ самыхъ послѣднихъ фасонахъ

платевъ, какъ первоклассный портной, разбирался въ кружевахъ, ленточкахъ, подвязкахъ, тесемкахъ, какъ приказчикъ галантерейной лавки, въ парфюмеріи, какъ самъ аптекаръ, подбиралъ прямо геніальныя сочетанія цвѣтовъ, достойныя великихъ художниковъ; зналъ всѣ магазины и цѣны, гдѣ любая женщина легко можетъ исправить свои физическіе недостатки и, вообще, зналъ все, что необходимо всякой женщинѣ, начиная отъ Евы. Для другихъ, которымъ это было не нужно, онъ имѣлъ въ запасѣ безчисленное количество волнующихъ исторій, въ которыхъ все висѣло на кончикѣ и все-таки не кончалось. Послѣ перваго знамства, онъ говорили о немъ: «Чрезвычайно интересный чловѣкъ. Умный и симпатичный».

Однимъ словомъ, онъ зналъ женщинъ, зналъ жизнь женщины, какъ свои пять пальцевъ, но онъ все-таки не теряли для него интереса. Каждая изъ нихъ представляла для него, съ семилѣтняго возраста и до сихъ поръ, неразгаданную загадку, мистическую тайну, волнующую до мелкой колючей

дрожи на спинѣ. И, чѣмъ дальше, тѣмъ больше окутывали его неясныя сумерки этой знойной тайны, тѣмъ ярче вспыхивало въ немъ пламя желанія разгадать ее, выпить и посмотреть, что на днѣ.

Но Остапка не всегда былъ такимъ.

До двадцатаго года онъ не зналъ ни одной женщины. Ему было рѣшительно наплевать на всѣхъ бабъ. Онъ еще допускалъ, кое-какъ скрѣпя сердце, женитбу на украинкѣ и то, въ силу необходимости, чтобы не перевелись на свѣтѣ истинные украинцы. А тамъ, чтобы «любва» какая или чтобы козаку да путаться въ бабскихъ хвостахъ, такъ это, матери его чортъ, ни одна не дождется. Хоть-бы пицала, а не дождется! «Нэнъка Украина» прежде всего.

ФИНСКАЯ ЖИВОПИСЬ.

«Скорбь».

М. Энкель.

Пейзажъ.

Не время теперь заниматься такими пустяками. Да это было видно во всей его фигурѣ, начиная отъ чоботъ, свитки, кончая сивой шапкой и холоднымъ, неприступнымъ взглядомъ карихъ глазъ. То, что бабы забыли свое мѣсто въ жизни и сунулись спасать «нэнъку Украину», возмущало его до глубины души и вызывало презрительную улыбку: знали-бы свои горшки да покрывки, а то тоже, туда же... Поэтому, когда ему приходилось сталкиваться «по дѣламъ» или у знакомыхъ съ женщинами, въ его голосѣ звучалъ отгѣнокъ такой презрительной ироніи, обращеніе было такъ изысканно-холодно, что не допускало и мысли, чтобы тамъ что-нибудь такое... Онѣ были счастливы, когда онъ дарилъ ихъ лишнимъ словомъ и окружали его таинственнымъ ореоломъ, какъ это дѣлаютъ съ тѣми людьми, отъ которыхъ въ будущемъ ждутъ чего-то необыкновеннаго.

Все это было такъ, пока Остапу изъ-за свитки, сорочки, вышитой мережкой, и чоботъ не пришлось попасть за-границу, въ Женеву.

Когда сгладились, улеглись первыя впечатлѣнія и онъ оглядѣлся вокругъ, то почувствовалъ пустоту и одиночество. Украина осталась гдѣ-то тамъ, тутъ надо было жить, а онъ чувствовалъ себя отравленной мухой. Одни товарищи съ нескрываемымъ торжествомъ таскали по Plain'кѣ колясочки, въ которыхъ покоились «писклята», другіе суетились, бѣгали, занимали деньги, сгорая желаніемъ купить такія же коляски, третьи «крутили любовь», а Остапъ слонялся межъ колясками и парами, какъ неприкаянный, возмущаясь и негодуя. Наконецъ, набралъ въ библиотекѣ кучу серьезныхъ книгъ, заперся въ своей комнатѣ и пересталъ появляться даже на улицахъ.

Къ концу недѣли онъ почувствовалъ, что совсѣмъ одурѣлъ и читать больше не въ состояніи.

Въ раскрытое окно смотрѣла темная и теплая ночь, раздражающій запахъ цвѣтущаго жасмина шепнулъ что-то та-

кое, отъ чего Остапъ покраснѣлъ и захлопнулъ книгу. Закинулъ ноги на спинку кровати и задымилъ папиросу за папиросой. Но тутъ цѣлый рой невѣроятныхъ мыслей и желаній вихремъ завертѣлся переднимъ. Онъ въ страхѣ и смущеніи схватился за книгу и только заставилъ себя понять первую строчку, какъ подъ самымъ окномъ раздался звонкій смѣхъ, кто-то легкими шагами пробѣжалъ мимо окна, шурша юбками.

Съ этого момента, собственно, все и началось. Дальше уже Остапъ поступалъ подъ наитіемъ какой-то таинственной и властной силы. Онъ захлопнулъ снова книгу, всталъ и нервно прошелся по комнатѣ. Потомъ вытащилъ изъ чемодана совершенно новый костюмъ и сталъ лихорадочно одѣваться. Черезъ полчаса, одѣтый съ иглолочки, въ панамѣ, съ тростью въ рукѣ, оставивъ рядомъ съ толстой книгой нетронутый стаканъ чаю, онъ потушилъ лампу и вышелъ. Онъ сознавалъ, что стремительно спѣшитъ навстрѣчу чему-то неизвѣстному, неизбежному, чувствовалъ нѣчто, похожее на дерзкую трусость, но не могъ, не былъ въ состояніи остановиться. Зашелъ по дорогѣ въ парикмахерскую, потомъ пересѣкъ Plain'ку*), пустынную и безлюдную, и очутился передъ запертыми дверьми эмигрантской столовой. Хотя онъ дѣлалъ все вполне сознательно, но въ глубинѣ души, какъ мышь подъ поломъ, скреблись протестъ и возмущеніе.

— Чего меня чортъ сюда принесъ раздраженно подумалъ онъ. Тутъ его взглядъ упалъ на афишу, приклеенную къ дверямъ столовой. При свѣтѣ фонаря онъ прочелъ, что сегодня эмигрантская колонія веселится—ставить въ Maison du Peuple «Назара Стодолю», послѣ котораго состоится танцевальный вечеръ.

— Дай-ка, пойду и я,—рѣшилъ онъ и подумалъ, что, въ сущности, это иначе и быть не можетъ. Онъ вошелъ въ залъ,

П. Галонень.

когда замирали послѣднія рукоплесканія и крики «би» послѣ второго дѣйствія. Прислонился къ стѣнѣ, небрежно отставилъ одну ногу, какъ офицеръ въ церкви, и сталъ смотрѣть на трехъ дѣвицъ, весело болтавшихъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него. Одну изъ нихъ, Тосю, онъ зналъ, двѣ другія были незнакомы. Тося давно уже оказывала ему всевозможные признаки вниманія и почтенія, онъ принималъ это, какъ должное, ничуть не дѣлая для нея исключенія, а теперь вдругъ ея быстрый, удивленный взглядъ, скользнувшій по его фигурѣ, смутилъ и заставилъ что-то задрожать въ немъ. Все-таки онъ поклонился, а дальше, не зная зачѣмъ и что онъ будетъ говорить подошелъ. Когда онъ почувствовалъ въ своей рукѣ ея маленькую ручку, все его смущеніе сняло точно рукой. Имъ овладѣли вдохновенное волненіе и увѣренность талантливаго артиста передъ первымъ дебютомъ.

Она отвернулась спиной къ еще усиленнѣе зашептавшимся подругамъ:

— Что васъ такъ давно не видать?

— Я занимался и сидѣлъ дома.

— А я думала, что вы уѣхали.

Въ немъ заговорила его интриганская сущность, онъ уже вошелъ въ роль:

— Нѣтъ. Я только собираюсь уѣзжать,—естественно печально и мрачно объявилъ онъ, взглянувъ на часы.

— Когда? Сегодня?

Онъ поймалъ, что-то метнувшееся въ ея глазахъ и отвѣтилъ еще печальнѣе:

— Поѣздъ уходитъ черезъ полтора часа.

— Да! Фу, какъ тутъ душно! Она развернула вѣеръ.

Остапка уже читалъ, какъ въ книгѣ:

— А вы видѣли у выхода открытку? Прелестная вещьца! «Сказка» называется.

*) Plain Palais—площадь въ Женевѣ.

ЖИВОПИСЬ.

— Нѣтъ. Въ ея глазахъ загорѣлось искреннее желаніе посмотрѣть прелестную открытку. Она встала. Послѣ того, какъ они посмотрѣли «Сказку», у нея неожиданно разболѣлась голова отъ духоты и она объявила, что идетъ домой. Остапъ спѣшилъ, боясь опоздать на поѣздъ.

На улицѣ все пошло далеко не такъ гладко. Тося что-то, не умолкая, щебетала о погодѣ, о мѣсѣ, звѣздахъ, о томъ, какъ хорошо-бы теперь посмотрѣть на Арву...

Остапъ смотрѣлъ искоса на ея щеку, розовое ухо, около котораго вился нѣжный пушокъ, и упорно хотѣлъ сказать какое-то слово. Панель жгла ноги, точно раскаленная, локоть, касавшійся ея бока, вздрагивалъ, будто по немъ бѣжала непрерывная электрическая искра, а оттого, что нужно было что-то сказать, дрожали губы. Масса бессмысленныхъ словъ висѣла на языкѣ, а то, что было нужно, онъ не могъ никакъ выдать.

Такъ прошли медленной, задерживающейся походкой нѣсколько кварталовъ.

— Дойду до фонаря, отчаянно рѣшилъ онъ:—не до этого, вонъ до того и скажу.

Но только они поровнялись съ фонаремъ, тутъ произошло нѣчто неожиданное для него самого. Онъ ничего не сказалъ, а качнулся и поцѣловалъ какъ разъ въ пушокъ около розоваго уха, прижавъ крѣпко ея руку. Она вырвала руку и, принявъ непримиримо оскорбленную позу, воскликнула съ негодованіемъ:

— Какъ вы смѣете? Что за дерзость! Я никогда, никогда не ожидала этого отъ васъ, никогда!

Остапъ почувствовалъ, что все можетъ погибнуть въ эту минуту, если не сказать, не сдѣлать чего-то убѣдительнаго.

— Что же страннаго находите вы тутъ?—заговорилъ онъ съ отчаянной рѣшимостью:—что же плохого, если одинъ человѣкъ цѣлуетъ другого, ну, изъ братскихъ... дружескихъ чувствъ...

— Дружескій поцѣлуй!—обидчиво подобрала Тося губы.

— Не вѣрите, не вѣрите?—возмущенно подхватилъ Остапъ, и вся сила желанія доказать, что это былъ именно дружескій поцѣлуй, перешла у него въ руки. Онъ схватилъ трость обѣими руками, сломалъ ее, какъ соломинку, и швырнулъ концы на мостовую.

Онъ ей, вѣдь, нравился, а это было сдѣлано такъ вдохновенно, и убѣдительнѣе всякихъ словъ доказывало, что поцѣлуй не дружескій. Она дошла до дома, повиснувъ на его рукѣ, какъ это дѣлаютъ только очень влюбленные женщины.

У дверей, голосомъ, въ которомъ звучала вся тоска разлуки, Остапъ сказалъ:

— Прощайте, можетъ быть, мы никогда съ вами не увидимся,—и почувствовалъ, что она слегка задержала его руку.

— Вы непременно ѣдете сегодня?—съ ноткой грусти спросила Тося.

— Да,—еще печальнѣе отвѣтилъ онъ:—прощайте.

Но она не выпускала его руки. Сердцемъ Остапа овладѣла неподдѣльная печаль разлуки, онъ самъ вѣрилъ, что уѣзжаетъ и что они прощаются навѣки.

На рѣсницахъ навернулись слезы, а фонарь изъ-за угла бросалъ такую печальную полосу свѣта, что онъ придвинулся къ ней ближе, несмѣлой рукой обвилъ ея станъ и заглянулъ въ глаза. Она совсѣмъ не сопротивлялась, а даже, наоборотъ, прижалась къ нему.

На нѣсколько минутъ они застыли, какъ каменное изваяніе, переплетя руки, соединивъ губы, вглядываясь другъ другу въ глубину глазъ.

Рѣдкія крупныя капли дождя зашелестѣли въ листьяхъ каштана, съ мягкимъ шорохомъ шлепнулись на темно-сѣрый асфальтъ, оставляя крупныя темныя пятна.

На лодкѣ.

М. Энкель.

— Милый, хорошій, не уѣзжайте сегодня.

— Не уѣзжать?—удивленно опомнился Остапъ, потомъ вспомнилъ и слабо возразилъ:

— Нельзя... нужно...

— Нѣтъ, нѣтъ, вы не уѣдете! Знаете что, идемте ко мнѣ пить чай, переждете дождь. Хорошо?

Она порылась въ сумочкѣ и горестно всплеснула руками:

— Ну, вотъ! Такъ я и знала! Всегда я забываю взять этотъ идіотскій ключъ. Придется будить сестру, консьержка спать. И еще этотъ противный дождь идетъ. Знаете что, приходите къ намъ завтра, хорошо? Вы теперь не уѣдете?—лукаво улыбнулась она.

Остапъ долженъ былъ дать честное слово, что будетъ завтра въ одиннадцать утра.

Послѣ этого она громкимъ шопотомъ позвала:

— Зи-на! Зи-на!

За темными окнами никто не подавалъ никакихъ признаковъ жизни и только, когда Остапъ, приставивъ руки ко рту, пустилъ глухимъ голосомъ: «Зи-на!», на второмъ этажѣ съ трескомъ раскрылось окно и сердитый голосъ строго спросилъ:

— Тоська, это ты?

— Я.

Изъ окна высунулась до половины бѣлая фигура и на панель со звономъ упалъ ключъ. Они поцѣловались еще долгимъ поцѣлуемъ у открытой двери. Когда дверь захлопнулась, Остапъ со шляпой въ рукѣ прошелъ цѣлый кварталъ, не замѣчая усиливавшагося дождя. Онъ чувствовалъ еще запахъ ея губъ на усахъ и переживалъ поэзію перваго поцѣлуя. На углу остановился, прицелкнулъ пальцами и громко спросилъ:

— Ну-съ, Остапъ Андреичъ, а теперь вы куда?

При воспоминаніи о своей комнатѣ онъ поморщился—ему захотѣлось провести эту ночь не такъ, какъ всегда, какъ-нибудь особенно.

Онъ вскочилъ въ первый подвернувшійся фіакръ:

— Въ Maison du Peuple!

Спектакль уже кончился. Балъ былъ въ полномъ разгарѣ. Когда вошелъ Остапъ, кто-то, покрывая послѣдніе замиравшіе звуки вальса, затушевалъ сильнымъ, молодымъ голосомъ:

Портретъ.

А. Галленъ.

«Изъ страны, страны далекой...» Ему отвѣтили присоединившіеся въ разныхъ концахъ зала другіе голоса и черезъ нѣсколько секундъ посреди зала образовался и загремѣлъ уже мощный хоръ.

Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, Остапъ остановился, точно пораженный. Передъ нимъ сидѣла женщина въ полной силѣ и обаяніи своей красоты. Овальное лицо съ большими темными глазами, сверкало матовой бѣлизной, темной, какъ ночь, оправѣ пышныхъ волосъ, искусно скрѣпленныхъ на затылкѣ въ простой, но изящный узелъ. На, точно точеной, шеѣ блестящей змѣйкой обвивалась тонкая нитка жемчуга. Платье было открыто спереди, какъ разъ на столько, что позволяло смутно угадывать дальше прелестную линію груди.

Небрежно играя вѣеромъ, она въ полъ-оборота разгова-

ривала съ Петькой Каменевымъ. На Остапа дохнуло чѣмъ-то волнующимъ и жаркимъ отъ ея фигуры—передъ нимъ была загадка и смутное, но властное желаніе разгадать эту неуловимую прекрасную тайну, охватило его.

Встрѣтившись глазами съ Петькой, онъ позвалъ его, сдѣлавъ конспиративный жестъ рукою.

— Что?—неохотно подошелъ тотъ.

— Представь меня ей.

— Да меня самого только часъ тому назадъ представили,—замаялся тотъ.

— Ничего, представь.

Остапъ подхватилъ упиравшагося Петьку подъ руку и направился къ ней. Спротивляться было поздно—она на нихъ смотрѣла, и Петька покорился.

Дальше между ними завязалась жестокая борьба. Петька умѣлъ танцовать, и Остапъ съ мучительной завистью смотрѣлъ, какъ онъ кружится въ вальсѣ, обхвативъ ея станъ рукою. Онъ проклиналъ себя за то, что прожилъ столько и не выучился танцамъ. Зато, когда она сидѣла рядомъ, онъ всецѣло завладѣвалъ ея вниманіемъ фейерверкомъ остроты и мѣткихъ характеристикъ окружающихъ.

Она непринужденно смѣялась, разговаривая только съ нимъ. Петька мрачно сидѣлъ, пытаясь иногда вставить и свое слово, которое, казалось, не достигало ея ушей. Остапъ явно забиралъ всѣ авансы.

Когда она уронила вѣеръ, оба стремительно кинулись къ ея ногамъ, но и тутъ Остапъ успѣлъ на одну десятую секунды раньше. Когда кому-то пришла въ голову гениальная мысль потушить на минуту электричество, Остапъ подъ вой и вскрики публики, ощутилъ въ груди приливъ такой дерзости, что нагнулся и поцѣловалъ ей руку какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ замѣтилъ раньше розовую полоску между краемъ шелковой перчатки и рукавомъ кофточки.

Она продолжала также непринужденно разговаривать, смѣяться, точно ничего не замѣтила. Только въ глазахъ заметались искорки.

Остапъ уже не владѣлъ собой, онъ точно сорвался съ гвоздика.

Наконецъ, она собралась уходить. Петька съ упорнымъ и злымъ лицомъ занялъ позицію у двери съ такимъ расчетомъ, чтобы, пропустивъ ее впередъ, загородить вслѣдъ проходъ, но Остапъ въ рѣшительный моментъ подставилъ Петькѣ плечо и прошелъ за ней. Петька отсталъ. Дѣло для него было окончательно проиграно.

— Какъ сыро!—нерѣшительно остановилась она передъ мокрой блестящей улицей, запахивая горжетку и подбирая платье.

Остапка подхватилъ ее подъ руку и, не давъ опомниться, почтительно раскрылъ дверцы ближайшаго фіакра. Кучеръ хлопнулъ бичемъ и фіакръ тронулся рысью вдоль улицы.

Остапъ поднесъ неподвижную маленькую ручку къ губамъ и покрылъ ее поцѣлуями. Она не отнимала руки и сидѣла молча, откинувшись въ уголь кареты. Это придавало ему дерзости, онъ поцѣловалъ руку выше локтя и, потянувшись къ неясно вырисовавшемуся въ темнотѣ профилю, коснулся губами лица.

Произошло нѣчто совсѣмъ неожиданное—онъ получилъ вдругъ звонкую пощечину, затѣмъ другую... Пощечины, гнѣвныя и быстрыя, сыпались одна за другой, попадая каждый разъ въ одно и то же мѣсто. Отъ гнѣва, стыда и неожиданности онъ растерялся, не поднялъ даже рукъ, чтобы защититься, и молча, глупо отсчитывалъ: разъ, два...

Насчиталъ ихъ ровно пять.

Потомъ онъ разглядѣлъ въ темнотѣ прекрасное, разгнѣванное личико, сверкающіе возмущеніемъ глаза и прелестныя губки, сложенныя въ уничтожающе-презрительную гримасу.

Не отдавая себѣ отчета, онъ порывисто потянулся, крѣпко поцѣловалъ искривленные гнѣвомъ губки и покорно подставилъ другую щеку.

Это было принято весело: она расхохоталась.

— Это мнѣ нравится! Я не думала что... что вы такой... оригинальный.

Когда кучеръ остановился у дверей дома, гдѣ она жила, они были уже вполне друзьями.

— Хотите чаю?

— Съ удовольствіемъ. Только поздно,—выразилъ сожалѣніе Остапка.

— Ничего. Мы пройдемъ потихоньку, у меня есть ключъ.

— А вы его не забыли дома?—тревожно спросилъ онъ, съ безпокойствомъ слѣдя за тѣмъ, какъ она рылась въ сумкѣ.

Когда забрезжило наступавшее утро, тихо растворилось окно, Остапъ оглядѣлся, прислушался къ безмолвной предраз-

Скульпторъ Б. О. Фредманъ-Клюзель.

Скульпторъ Борисъ Оскаровичъ Фредманъ-Клюзель избралъ своею спеціальностью театр въ всемъ его многообразіи типовъ. Публика хорошо знакома только съ небольшимъ числомъ его работъ, относящихся главнымъ образомъ къ драмъ (К. А. Варламовъ, В. П. Давыдовъ, В. В. Стрѣльскій, и др.). Между тѣмъ главная его область — балетъ. Въ оведствленіи нашихъ то огненныхъ, то воздушныхъ, то демовически страстныхъ, то ангельски чистыхъ балеринъ онъ имѣетъ

мало соперниковъ даже на Западѣ. Не удивительно, что нѣсколько его статуй приобрѣтено съ первой же выставки, устроенной Б. О. въ Парижѣ, Люксембургскимъ музеемъ. Мы воспроизводимъ здѣсь нѣсколько послѣднихъ работъ, для которыхъ натурщицами служили балерины Императорскаго Маринскаго театра.

свѣтлой тишинѣ, перекинулъ ноги черезъ подоконникъ и мягко спрыгнулъ прямо на цвѣточную клумбу. Вслѣдъ за нимъ, вертясь, полетѣло нѣсколько сбитыхъ ногою листочковъ плюща.

Ей лѣнь было спускаться открывать дверь.

За калиткой Остапъ остановился, подумалъ нѣсколько секундъ и рѣшительно повернулъ къ рѣкѣ.

Всѣ струны его души звучали первымъ торжественнымъ темпомъ любви, а тишина и очарованіе сіяющаго голубого утра удивительно соотвѣтствовали этой музыкѣ. Онъ съ легкой досадой думалъ о томъ, что придется все-таки лечь спать, а потомъ все станетъ прошлымъ, послѣ временной смерти сна. Да и спать не хотѣлось. Неизвѣданнымъ приливомъ бодрости и энергии наполнило его это раннее утро. Онъ зашелъ въ подвернувшееся кафе рабочихъ, выпилъ чашку чернаго кофе съ ромомъ и пошелъ дальше за городъ.

Солнце одѣло пышной золотой бахромой дальнія верхушки синѣвшихъ горъ, лѣсъ стоялъ неподвижно, рѣка возбужденно и радостно что-то лепетала. Остапъ, лежа на травѣ, вслушивался въ музыку просыпающейся жизни, смотрѣлъ, какъ въ тѣни нависшихъ кустовъ, низко надъ водой, порхали изящныя, стрекозы и думалъ о томъ, что жизнь человѣка со дня его рожденія до смерти есть непрерывная цѣпь событий, въ которой звенья счастья и несчастья идутъ серіями... Онъ теперь въ серіи счастья и нужно пользоваться... Имъ овладѣло лихорадочно волнуемое желаніе жить, не прерывать этой цѣпи, не раздѣлять звеньевъ.

Раздѣлся, выкупался въ рѣкѣ, бодрый и свѣжий, быстро пошелъ въ городъ.

Будто выполняя давно задуманный планъ, зашелъ въ цвѣ-

точный магазинъ, купилъ роскошный букетъ нарцисовъ и только на перекресткѣ двухъ улицъ нерѣшительно остановился: — Эта еще спитъ, пойду къ Тосѣ, — рѣшилъ онъ, поколебавшись съ минуту.

М. Врановъ.

Лиловый колокольчикъ.

Колокольчикъ трепетный, лиловый,
На зарѣ расцвѣтшій у дороги...
Какъ ему всѣ чувства жизни новы!
Онъ глядитъ въ лазурные чертоги

Съ думой свѣтлою о Богѣ...
Вотъ взглянулъ изъ-за лѣсной опушки
Солнечный кудесникъ, — улыбку
Хмурыхъ сосенъ дымныя верхушки
Онъ цѣлуетъ... И цвѣтка коснулся...

Колокольчикъ] восторженно
И отвѣтною зардѣлся лаской...
Въ немъ впервые сердце бьется шибко
И ему все мнится дивной сказкой.
А кудесникъ всталъ надъ жатвой зыбкой

И дразнить своей улыбкой...
Вдругъ лазурь кругомъ затмили тучи,
Озарились молніей огневой, —
Грянулъ громъ, полился дождь плакучій
И пригнулъ къ землѣ цвѣтокъ лиловый.

Все терпѣть уже готовый...
 Боже! Какъ все это мнѣ знакомо!..
 Были дни блаженства и расцвѣта,
 Къ небесамъ душа была влекома,
 Озаренная лучами свѣта...

Грянулъ громъ,—и гдѣ все это?..
 Гдѣ, цвѣтокъ лиловый?

Петръ Быковъ.

ЗАКОНЪ ПРИРОДЫ.

Еще не прошло недѣли, какъ я поселился на дачѣ, но Улита, дочь моей хозяйки, уже называла меня на «ты» и приводила въ смущеніе своими странными выходками. По утрамъ, на моемъ окнѣ я находилъ тюльпаны и маки, иногда вишни и черешни. Я замѣчалъ, что она со вкусомъ дикарки стала украшать себя всякой дрянью. Ея обычный нарядъ, состоявшій изъ затасканной сиреневой юбки, черезчуръ короткой для ея двадцати лѣтъ, и красной шелковой блузки, продранной на локтяхъ, сталъ украшаться цвѣтными лентами, вплетенными въ ея матовые, какъ сажа, волосы. Но непріятное впечатлѣніе отъ крикливаго наряда сглаживалось ея лицомъ. Лицо у ней было пріятное, смуглое, какъ спѣлый абрикось; его не портили низкій лобъ, короткій носъ и жирныя, малиновыя губы. Тѣлесно Улита ничѣмъ не отличалась отъ сво-

ихъ сверстницъ, но душа ея была не яснѣ таинственной природы въ сумеркахъ угасающаго дня.

По вечерамъ, когда я возвращался съ прогулки, Улита ждала меня у калитки сада. Въ одинъ изъ вечеровъ Улита, должно быть, задѣтая моимъ невниманіемъ къ ней, встрѣтила меня въ такомъ видѣ, что я невольно остановился.

Въ густой копнѣ ея черныхъ волосъ торчали два папиросныхъ окурка, стеклышко отъ разбитой бутылки и кусокъ маленькой щепки. Все это, очевидно, было подобрано ею съ улицы и тщательно разсовано въ волосахъ, съ расчетомъ произвести впечатлѣніе. Съ радостной улыбкой маленькой женщины, увѣренной въ своей обаятельности, она встрѣтила меня восклицаніемъ:

— А я уже соскучилась за тобой!

— Это еще что за глупости?—съ недоумѣніемъ спросилъ я и, съ напускной строгостью, прикрикнулъ:

— Брось сейчасъ этотъ мусоръ.

Улита съ первыхъ же моихъ словъ перестала улыбаться и обиженно вытянула нижнюю губу.

Solo.

Б.

Б. О. Фредманъ-Клюзель.

и бѣлись надъ тобой? Мало тебѣ
 Сейчасъ же брось эту дрянъ.
 волосамъ, но Улита прыгнула

захъ ея блеснула искра нена-
 , она враждебно и вызывающе
 хъ ея я читаль:

кать за странность понятій о
 , проникаясь внезапнымъ со-

о, не хорошо украшать волосы
 я, стараясь повліять на нее
 а эти окурки люди могли пле-
 ты поднимаешь ихъ.

Въ душѣ Улиты происходила
 ть бѣлыхъ окурковъ была по-

нижена и, черезъ минуту, съ лицомъ, выражающимъ еще сомнѣніе и растерянность, она нехотя и не глядя на меня, стала выбрасывать свои украшенія.

— Ну, вотъ, такъ-то лучше,—поощрилъ я Улиту, неожиданно повеселѣвшую.

Когда я сѣлъ пить поданный Улитой чай, южная ночь уже покрыла землю. Въ наступившей тишинѣ рѣзко верещали лягушки, гдѣ-то далеко тарахтѣла линейка, доносился лай собакъ, мягкими вздохами шепталъ вѣтерокъ въ листьѣ деревьевъ и доносилъ на террасу сладкій запахъ цвѣтущей акаціи. Внизу на перилахъ лѣстницы сидѣла Улита и, играя камешками, беззаботно лепетала:

— А къ намъ сегодня приходилъ господинъ снимать комнату. Очень даже шикарнѣй, совсѣмъ не похожъ на трепача.

— Ну, что же, сдали?

— Нѣтъ. Мамаши не было дома. Я вышла къ нему, поздоровалась, но не знала какую позу принять... Только онъ ничего не сказалъ, разсмѣялся и ушелъ... Такой, право, веселый,—задумчиво улыбнулась Улита и замолчала.

Въ темномъ небѣ серебромъ и золотомъ замигали звѣзды. Я ждалъ ухода Улиты, но глаза ея не отрывались отъ звѣздъ и невнятный шепотъ срывался съ ея трепетныхъ губъ.

— О чемъ ты думаешь, Улита?

Вмѣсто отвѣта Улита, не отрывая глазъ отъ звѣздъ, засмѣялась, и я видѣлъ, какъ плечи ея долго вздрагивали отъ веселаго смѣха.

— И чего ты смѣешься, не понимаю,—съ раздраженіемъ замѣтилъ я.

Улита замолчала, но сдавленный смѣхъ рвался наружу, и она, не осиливъ его, фыркнула, но тотчасъ же виновато обернулась ко мнѣ и, оправдываясь, пробормотала:

— Но если же мнѣ смѣшно.

И, видя мое недоумѣніе, лукаво улыбнулась и выпалила:

— Я тебя видѣла во снѣ, знаешь—какъ? Голенькимъ.—

Улита весело разсмѣялась, но, встрѣтившись съ моимъ взглядомъ, оборвала смѣхъ и замолчала.

Мѣрные, напряженно-рѣдкіе удары церковнаго колокола пробили десять, но долго еще жалобно звенящимъ эхомъ неслись звуки въ тишинѣ наступающей ночи.

Улита ушла, но мнѣ еще чудился ея смѣхъ, казавшійся такимъ нелѣпымъ и бессмысленнымъ.

По утрамъ, идя умываться на ручей, протекавшій въ концѣ нашего сада, я почти всегда встрѣчался съ Улитой. Мать ежедневно заставляла ее мыть и чистить посуду, и Улита добросовѣстно несла свои обязанности. Не разъ заставлялъ я ее сидящей на корточкахъ у ручья, возлѣ вымытой посуды, оживленно разговаривающей съ собою. О чемъ она говорила—я не зналъ, такъ какъ Улита, завидя меня, тотчасъ же забрасывала вопросами, или же дѣлилась своими впечатлѣніями. Наши утренніе разговоры не отличались содержательностью, но я иногда съ удовольствіемъ просиживалъ въ обществѣ Улиты, заинтересованный ея вниманіемъ ко мнѣ.

Какъ-то утромъ, придя на ручей, я, къ своему удивленію, увидѣлъ Улиту, сидящую безъ юбки на суку тѣнистой шелковицы. Болтая свѣсившимися ногами, она съ аппетитомъ ѣла сочную шелковицу, выпачкавъ ея сокомъ не только руки и щеки, но даже и панталоны.

Завидя меня, она съ оживленнымъ лицомъ нагнулась въ мою сторону и весело крикнула:

— Миленькій, будь добренькимъ, сдѣлай одолженіе.

— Ну, въ чемъ дѣло?

— Посмотрите, пожалуйста, юбку—высохла ли она?... Да не здѣсь, а на шиповникѣ... Вотъ-вотъ! Ну?

На кустахъ шиповника висѣла сиреневая юбка, подмоченная снизу. Я хотѣлъ было уже кинуть ее Улитѣ, но не могъ удержаться, чтобы не заглянуть въ давно интригующій меня карманъ ея юбки. Карманомъ Улиты я заинтересовался съ тѣхъ поръ, какъ замѣтилъ, что она какъ-то особенно старательно прячетъ отъ постороннихъ глазъ содержимое кармана. Лицо Улиты выражало испугъ и боязнь за свою собственность.

— Посиди, Улита, еще немного,—схитрилъ я:—сейчасъ повѣшу юбку на солнце.

Я перенесъ юбку за кусты и, въ надеждѣ найти въ ея карманѣ интимныя записки (Улита, по словамъ матери, училась грамотѣ до 15-ти лѣтъ), вытряхнулъ изъ кармана юбки довольно большой комокъ какого-то хлама. Но каково же было мое разочарованіе, когда я, вмѣсто записокъ, проливающихъ свѣтъ на мірокъ Улиты, увидѣлъ фитиль отъ лампы, гарусную нитку, комокъ вычесанныхъ волосъ, замусоленный кусочекъ сахара и двѣ костяныя пуговицы.

— На, получай твою юбку,—крикнулъ я, бросая Улитѣ юбку.

Накинувъ на себя юбку, Улита расположилась на камнѣ, напротивъ меня, и, загнувъ къ себѣ на колѣни подмоченный подолъ юбки, внимательно стала разглядывать низъ панталонъ, вымазанныхъ ягодами.

— Ну и по-па-детъ же мнѣ отъ мамани,—озабоченно протянула Улита:—Это вѣдь не изъ модеполама, а изъ чистаго голландскаго полотна... Что, не вѣришь? Ей-Богу, изъ голландскаго.

И, не отводя глазъ отъ пятенъ, Улита качала головой и уныло жаловалась.

— Попадетъ, ей-Богу, попадетъ. Маманя у меня серьезная. Вчера тоже за платье попало. Думала на камень сажусь, а въ разъ сѣла въ воду. Ка-акъ увидѣла маманя меня, затрусилась вся... Снимай, говоритъ, дурища, юбку. А я на зло:—а вотъ да не сниму. Такъ она взяла тряпку,—у насъ, знаешь, есть такая тряпка для половъ,—да давай меня шаркать по лицу. Ужасно, какъ непріятно, если мокрой тряпкой по лицу.

Я выразилъ на своемъ лицѣ, какъ можно больше сочувствія къ бѣдѣ Улиты, но не поддержалъ разговора. Мысли мои были заняты ея странной собственностью, найденной въ ея карманѣ.

Когда я вспоминалъ весь хламъ Улиты, тщательно ею охраняемый, мнѣ стало казаться, что не человѣкъ владѣетъ вещами, а вещи—имъ.

Я былъ единственнымъ жильцомъ у ея матери и единственнымъ мужчиной, съ которымъ Улита могла говорить безнаказанно, не боясь грубыхъ окриковъ со стороны своей матери. Насколько я замѣтилъ, Улита не сознавала своего нужества, и въ отношеніяхъ съ людьми держалась свободно, бесчитая себя ниже другихъ. Въ своихъ сужденіяхъ она было рѣшительна и никакія доказательства не могли поколебать ея убѣжденій въ своей правотѣ.

Однажды, выведенный изъ терпѣнія ея болтовней, я рѣзко сказалъ:

— Ну, знаешь, Улита, я не удивляюсь, что всё говорят, что ты дурочка.

Улита презрительно фыркнула и отрезала:

— Говорят, что курь доят, а ты слушай.

Но спустя минуту она болѣе спокойно стала оправдываться:

— Пусть говорят, что я—дурочка, но только все это—враки. Правда, я читать не могу, у меня мысли разбѣгаются. Ну, так что-жь? Настоящая женщина и безъ книгъ не пропадетъ. Она умѣетъ сдѣлать подмазку, брови навести, напудриться... Знаешь,—Улита перешла въ мечтательный тонъ:—если бы не маманя, такъ я бы уже давно была дамочкой.

— А сколько тебѣ лѣтъ?—спросилъ я, заранѣе зная, что Улита не имѣетъ представлений о времени.

Улита, не подозрѣвая моей хитрости, не задумываясь, рѣшительно отвѣтила:

— Двѣсти.

Но, увидѣвъ мою улыбку, она смутилась, подозрительно посмотрѣла на меня и тотчасъ же поправилась:

— Ну, тринадцать.

И, видя, что я отрицательно качаю головой, Улита нетерпѣливо и не безъ раздраженія спросила:

— Ну, сколько же? Десять? Пятнадцать?—наугадъ говорила она.

— Вотъ видишь, Улита, а еще собираешься замужъ.

— Ну, а сколько мнѣ лѣтъ?—не слушая меня, спѣшила узнать Улита.

— Двадцать.

— Ну, двадцать,—безразлично повторила она и добавила:—очень это важно.

И для Улиты, это, дѣйствительно, было не важно. У ней былъ свой собственный мірокъ, свои интересы и личный опытъ, укрѣпившій ее въ непогрѣшимости своего поведенія, приводившаго другихъ въ смущеніе.

Въ жаркіе дни мать отпускала Улиту со мной на море. Лѣтніе и вяло, запыленные и влажные отъ пота, проходили мы вьющуюся къ морю бѣлую дорогу, межъ выжженных солнцемъ горъ. По дорогѣ Улита пристально и вызывающе разглядывала встрѣчныхъ мужчинъ, кокетливо улыбалась и оборачивалась имъ вслѣдъ. Минуя пыльную дорогу мы, наконецъ, спускались къ густосинему морю и нѣкоторое время шли вмѣстѣ, съ трудомъ шагая по зыбкому, золотистому песку.

Закрытыхъ купаленъ, также какъ и купальныхъ костюмовъ, не существовало: мужчины отдѣлялись отъ женщинъ небольшимъ пространствомъ и всё раздѣвались на горячемъ пескѣ. Разноцвѣтное бѣлье и голые и полуголые люди, лежащіе на немъ,—издали были похожи на винигреть, и трудно было сразу отличить—гдѣ женщины и гдѣ мужчины.

Проходя съ Улитой мимо купающихся мужчинъ, я замѣчалъ, что она никогда не отворачивалась и не закрывалась зонтикомъ, какъ это дѣлали всё женщины. Видя купающихся, Улита еще издали заслонялась отъ ослѣпительнаго солнца и безцеремонно, съ какимъ-то жаднымъ любопытствомъ, всматривалась въ обнаженные тѣла мужчинъ.

Совмѣстные прогулки съ Улитой на море окончательно убѣдили меня, что ей незнакомо чувство того стыда, который помогаетъ женщинамъ скрывать свои недостатки. Улита не стыдилась ни наготы своей, ни своихъ желаній. Въ то время, какъ всё выкупавшіяся дѣвушки стыдливо подползали на животъ къ берегу и терпѣливо ждали отъ матерей или подругъ простынь, чтобы ловко и незамѣтно для мужчинъ скрыть свою наготу,—Улита медленно, всегда со смѣхомъ, вылезала изъ воды и, нагнувшись на виду у всѣхъ, начинала отмачивать свои мокрые волосы. Иногда она подплывала къ намъ и, стоя по поясъ въ водѣ, со смѣхомъ звала меня по имени.

Поведенію Улиты никто не удивлялся, такъ какъ всё считали ее дурочкой.

Однажды, возвращаясь съ Улитой съ купанья, я, желая пристыдить ее, тономъ упрека спросилъ:

— Неужели, Улита, тебѣ интересно смотрѣть на раздѣтыхъ мужчинъ?

— Очень даже интересно,—не задумываясь, отвѣтила Улита.

— И не стыдно?

Улита громко разсмѣялась.

— А почему тебѣ не стыдно смотрѣть на голыхъ женщинъ?

— А ты почему знаешь?

— Пфф,—презрительно шевельнула она нижней губой:—это само собою знается. Думаешь—неправда?

Я не нашелся, что сказать ей, и Улита учла это по своему. Стараясь сдерживать улыбку, она лукавымъ, все знающимъ взглядомъ женщины, глубоко заглянула въ мои глаза, за-

ставивъ меня вспомнить одинъ случай, который оправдывалъ ее.

Какъ-то, во время купанья, у одной дамы сдуло вѣтромъ въ нашу сторону купальный чепчикъ. Не долго думая, Улита выскочила изъ воды и бросилась за чепцомъ.

По зыбкому, горячему песку бѣжать было трудно, но Улита, со счастливымъ лицомъ бѣжала прямо къ намъ, не смущаясь любопытныхъ, острыхъ взглядовъ мужчинъ, съ удовольствіемъ устремленныхъ на ея крѣпкое, бронзовое тѣло, со вздрагивающими, высокими боками и налитой грудью, которой я думаю, позавидовала не одна умная женщина. Обдавая запахомъ своего вымытаго тѣла, Улита подбѣжала къ намъ и, граціозно изогнувшись, со смѣхомъ вырвала поданный чепецъ, послѣ чего тотчасъ же бросилась назадъ, высоко вскидывая вязнуція въ пескѣ сытые ноги.

Вспомнивъ этотъ случай, я почувствовалъ, что не слабое уміе было причиной безстыдства Улиты, а вѣрнѣе наше вождельніе, въ которомъ такъ нуждалось ея здоровое тѣло.

— Ты сердишься?—спросила меня Улита, видя, что я задумался:—если не сердишься, то зайдемъ къ Асану: я бузы хочу.

Съ купанья Улита всегда тащила меня въ бузную. Ей нравилась буза, но я подозрѣвалъ, что еще больше ей нравился красивый, молодой крымчакъ Асанъ, съ пухлыми губами и черными, какъ черносливъ, глазами.

Разморенные купаньемъ и раскаленнымъ солнцемъ, пекущимъ наши спины, мы молча пылили по главной улицѣ нашего мѣстечка. Въ это время на улицѣ было тихо. Возлѣ лавокъ лежали изнывающія отъ жары собаки и, положивъ морды на вытянутыя лапы, беспомощно трепыхали красными языками. Кой-гдѣ, на террасахъ кофеенъ, турки и греки, съ важностью на смуглыхъ лицахъ, молча играли въ домино.

Наглотавшись пыли, мы, наконецъ, добрались до черной и затхлои дыбы бузной, откуда еще за нѣсколько шаговъ немилосердно несло кислотной.

Завидя Улиту, Асанъ весело заржалъ и, не обращая

ясь

то я

гар-

отъ

ую,

къ,

ану

а—

ла-

ихъ

ать

увъ

дѣ-

ор-

ли-

ри-

то

не

исъ

сти

по-

мъ

гѣ.

вѣ-

гѣ,

иво

Портретъ.

Бланшъ.

Обиженная тѣмъ, что я нѣсколько дней избѣгалъ ее, Улита не говорила со мной и, сидя на лавочкѣ подъ окномъ, напѣвала все одинъ и тотъ же старенькій романсъ.

Дня три или четыре она мечтательно, вполголоса, напѣва-

ла, надоѣвшій мнѣ, романсъ, вкладывая не мало нѣжнаго чувства въ его наивныя слова. Съ ея уходомъ мотивъ этого романса навязчиво застревалъ во мнѣ и я, невольно, напѣвалъ, подражая грустному голосу Улиты:

Спрятался мѣсяць за тучку,
Больше его не видать.
Позвольте мнѣ правую ручку
Къ пылкому сердцу прижать.

Но на пятый день, распѣвая у меня подь окномъ, Улита неожиданно оборвала ноту и съ озлобленіемъ выругалась:
— Чортъ поганый!

Кого это она?—съ удивленіемъ подумалъ я, не вставая съ кровати.

За окномъ нѣкоторое время была тишина, затѣмъ разда-лось сердитое бормотанье Улиты:

— ...И ничего тутъ такого нѣтъ, чтобы не знать... Вотъ захочу и буду... мнѣ все равно... мальчикъ или дѣвочка...

Я ничего не понималъ, напрягалъ слухъ, но улавливалъ какіе-то клочки фразъ, казавшіеся мнѣ нелѣпыми.

Послѣ продолжительнаго молчанія я услышалъ, какъ Улита осторожно взошла на террасу и на носкахъ стала подходить къ моей двери. Я повернулся къ двери и увидѣлъ голову Улиты, заглядывающую въ комнату.

— Спишь?—спросила она.

Я не отвѣтилъ.

Тогда она стала смѣлѣе и войдя въ комнату, сѣла у меня въ ногахъ, пробормотавъ:—Одѣтый, а спать.

Въ сумеркахъ я не могъ разглядѣть ея лица, но слышалъ ея прерывистое дыханіе и робкое прикосновеніе ея горячихъ рукъ.

Я кашлянулъ, и Улита испуганно и виновато вскочила и, молча, затаивъ дыханіе, встала у кровати.

— Отчего ты не сидишь въ саду?—спросилъ я.

— Тамъ душно.

Я всталъ и зажегъ свѣчу.

— Вездѣ душно,—тоскливо шепнула Улита и, указывая на грудь и шею, добавила:—Здѣсь душно, тѣсно какъ-то... Даже непонятно.

Въ ея круглыхъ темныхъ глазахъ была такая мука, а въ словахъ было столько неподдѣльной тоски и отчаянія, что я, какъ-то безотчетно, обнялъ ее за плечи, подавленный внезапнымъ сознаніемъ, что Улита закономъ обречена на вѣчное, мучительное для нея, дѣвство.

Но Улита поняла мою ласку по своему. Страстно прижавшись ко мнѣ, она, волнуясь и дрожа, шепнула:

— Хочешь я приду къ тебѣ сегодня ночью?

Ея волненіе передалось мнѣ, но я трусливо оттолкнулъ ее, услышавъ голосъ ея матери.

— Иди, тебя зовутъ,—рѣзко сказалъ я.

Но Улита, хрустнувъ пальцами, тряхнула головой и, не слушая меня, истерично крикнула:

— Ахъ, я хотѣла бы влюбиться такъ, чтобы трястись отъ любви! Понимаешь?

Подъ окномъ заскрипѣлъ гравій подь грузными шагами матери Улиты.

— Ты здѣсь, Улита?—спросила она, подойдя къ окну.

Но Улита была уже на террасѣ и невиннымъ голосомъ откликнулась:

— Маманя—ты? А я тебя искала.

— Шляешься по ночамъ, тварь,—донеслось до меня изъ сада:—Ты у меня потаскайся, такъ живо въ сумасшед-шій домъ попадешь, па-а-скуда этакая.

Я вышелъ въ садъ. Въ темномъ небѣ задрожали въ золотыхъ лучахъ далекія звѣзды; сквозь листву тополей искрились блики всходящей луны. Гдѣ-то монотонно и жалобно кричала птица-сплюха, отдаленно звенѣли цикады и въ ручѣ сладострастно хлюпали жабы. Отъ знойнаго дыханія цвѣтовъ кружилась легка голова, тянуло къ прохладѣ, но глаза устремлялись къ окну Улиты.

Когда я сообщилъ Улитѣ о своемъ отъѣздѣ, она не повѣрила мнѣ. И, только услышавъ мой разговоръ съ матерью, убѣдилась, что я не шучу и, какъ-то сразу послѣ этого, измѣнилась: рѣже смѣялась и въ глазахъ была тревога. Удивила меня своей просьбой написать ей на конвертѣ мой адресъ.

— Зачѣмъ это тебѣ?—спросилъ я.

— А нужно.

— Ну, если нужно, такъ возьми.

Я далъ ей конвертъ съ адресомъ, который она при мнѣ же положила въ своей карманъ.

Наканунѣ отъѣзда, мы съ ней отправились въ горы. Окунаясь въ густую листву кизилія и дубовъ, мы съ трудомъ поднимались вверхъ. Ноги скользили въ сухомъ шуршащемъ листу, мы спотыкались и это раздражало Улиту. Я хотѣлъ подняться еще выше, чтобы въ послѣдній разъ полюбоваться Крымомъ, но Улита закапризничала.

— Я не могу,—уперлась она:—у меня головокруженіе въ головѣ.

Уступая ея просьбамъ, я присѣлъ въ кизилевой рошѣ. Сверхъ ожиданія, Улита была серьезна, нервно срывала съ деревьевъ листья и рвала ихъ зубами. Желая ее развлечь, я рассказывалъ ей о большихъ городахъ. Мнѣ казалось, что Улита слушала меня внимательно, но ея неожиданный вопросъ разочаровалъ меня.

— Почему ты сказалъ, что мнѣ нельзя жениться?—строго спросила она, перебивъ меня.

— То-есть замужъ выйти—ты хочешь сказать?

— Ну, замужъ. Почему же?

Этотъ вопросъ загалгалъ меня врасплохъ. Я не хотѣлъ огорчать ея посвященіе въ тайны нашего законодательства, опекающаго Улиту, какъ безумную, и придумывалъ выходъ изъ затруднительнаго положенія.

— Ну, что-жъ ты молчишь?—съ нетерпѣніемъ спросила Улита:—Почему мнѣ замужъ нельзя?

— Ну, какая же ты жена? Ты вотъ и себя-то воспитать не можешь... Такая большая, а дѣлаешь глупости, собираешь всякую дрянъ, задѣваешь мужчинъ... А законъ строго слѣдить за этимъ.

— А ему какое дѣло?

— Какъ—какое? А если у тебя будутъ дѣти. Чему ты ихъ можешь научить?

И я, стараясь быть понятнымъ, рассказывалъ ей о роли закона, объ обязанностяхъ матери, о наследственности. Улита слушала внимательно и когда я кончилъ объяснять ей, она долго молчала, отвернувшись отъ меня.

Уже пора было уходить, но мнѣ подниматься было лѣнь. Погруженные въ свои думы, мы молча сидѣли, наслаждаясь прохладой. Сквозь зеленое кружево листвы золотились послѣдніе лучи солнца. Рѣже пѣли птицы и, утомленные за день, провожали день грустными трелями и нѣжными переливами. Заходящее солнце коснулось верхушекъ горъ, брызнуло послѣднимъ своимъ золотомъ на деревья и стало спускаться за конусъ горы.

Улита лежала на животѣ и, подперевъ подбородокъ руками, кусала губы. Видя, что я поднимаюсь, она сѣла и неожиданно спросила:

— А кто же сочинялъ такой законъ?

— Законодатели.

— Мужчины?

— Ну, конечно, не женщины.

Улита презрительно фыркнула:

— Это и видно. Женщина, разъ она умна, то знаетъ, какъ держать фасонъ, и никогда бы не сочинила такой глупый законъ.

— Почему же глупый?—улыбнулся я.

— А ты почему смѣешься? Дуракъ!—вдругъ вспылила Улита.

Я сдѣлалъ видъ, что обидѣлся и, отвернувшись отъ Улиты, заткнулъ уши, давая ей понять, что я не желаю слушать ее. Но гнѣвъ Улиты такъ же скоро прошелъ, какъ и появился. Она подползла ко мнѣ и, отнимая мои руки отъ ушей, виновато спросила:

— Ты сердисься?

Я мотнулъ внизъ головой.

— Очень сердисься? Ну, я больше не буду.

Мы помирились, но домой Улита не хотѣла итти.

Кругомъ, въ наступившей тишинѣ, раздавалось посвистыванье птицъ, должно быть, дѣлившихся между собой впечатлѣніями дня. Изрѣдка шальной пѣвунъ пускалъ призывную трель, но, не встрѣчая сочувствія, сконфуженно замолкалъ. Въ небѣ красными и желтыми полосами вытянулись облака и снизу потянуло сыростью.

Я рѣшительно поднялся съ земли.

— Идемъ, Улита. Надо еще вещи собирать.

Улита нехотя встала и мы, осторожно раздвигая цѣпляющіяся за насъ, вѣтви, стали спускаться съ горы.

Пароходъ уходилъ въ два часа ночи. Утромъ я отвезъ вещи на пристань и весь день провелъ съ Улитой. Когда стемнѣло, мать увела ее спать. Уходя, Улита многозначительно взглянула на меня, точно просила не сомнѣваться въ ея обѣщаньи проводить меня на пристань.

Но чѣмъ ближе подходило время къ двѣнадцати, тѣмъ больше волновался я за Улиту. Я ходилъ по саду и безпокойно поглядывалъ на черный квадратъ окна, откуда должна вылѣзти Улита. Когда, наконецъ, брякнулъ ставень окна, сердце мое тревожно забилося. Черезъ минуту я уже стоялъ у открытаго окна и помогалъ Улитѣ выкарабкаться въ садъ. Впопыхахъ она забыла надѣть чулки и дрожала, прижимаясь ко мнѣ.

Музыкальная страна.

Трудно сказать, какая страна на свѣтѣ является наиболѣе музыкальной. Опыты, произведенные въ этомъ направленіи, не всегда обставлялись съ достаточной строгостью и безпристрастностью.

Естественно, что каждый изслѣдователь, смотря по національности, гнулъ въ свою сторону.

Тѣмъ пѣннѣе, я думаю, могутъ показаться наблюдения и выводы безпристрастнаго путешественника и ничѣмъ незаинтересованнаго созерцателя. Такимъ именно и является пишущій эти строки.

Очень музыкальна Швейцарія. Но музыкальность тамъ нѣсколько своеобразнаго характера. Если швейцарецъ обучается игрѣ на инструментѣ, то онъ выберетъ именно такой, который вообще не часто встрѣчается въ природѣ въ чистомъ видѣ. Онъ выберетъ корнетъ-а-пи-стонъ, волторну, контрабасъ или какую-нибудь рѣдчайшую и неустойчивую помѣсь флажолетоваго фюга сь кларнетнымъ тимпаномъ. Подобную помѣсь петербуржцы могли наблюдать этой весной въ Петербургѣ въ оперѣ «Электра».

Очень хороша швейцарскій вечеръ, когда уже закатилось солнце, на озерѣ скользятъ лодки и издали доносятся звуки контрабаса, исполняющаго сою отрывокъ изъ Аиды («О, милая Аида!»)! Многие путешественники потомъ признавались, что именно въ подобные вечера они дѣлались поклонниками новѣйшей симфонической музыки ризалье (Малеръ, Регеръ).

Швейцарки не играютъ ни на контрабасѣ, ни на устойчивыхъ помѣсяхъ. Въмѣсто этого замужнія швейцарки охотно выколачиваютъ ковры. Выколачиваніе ковровъ не требуетъ особенно серьезной школы, и бывали случаи, когда молодыя женщины почти совершенно безъ всякой подготовки начинали это дѣйствіе и очень хорошо его заканчивали на низкихъ и высокихъ звукахъ.

Выколачиваніе ковровъ, можно сказать, любимое музыкальное упражненіе городскихъ жительницъ Швейцаріи и, быть можетъ, этимъ обстоятельствомъ и объясняется то достаточно характерное явленіе, что въ Швейцаріи не процвѣтаютъ поэты, и вообще изящная литература не склонна распускаться пышнымъ цвѣткомъ. И въ самомъ дѣлѣ, — войдите въ положеніе туземнаго поэта! Ему негдѣ и невозможно уединиться; онъ не въ состояніи сосредоточиться, потому что шумъ такъ выколачиванія ковровъ преслѣдуетъ его, такъ сказать, по пятамъ. Тутъ дѣло обстоитъ такъ:

— Либо ковры, либо стихи.

Новое зданіе казначейства въ Нижнемъ-Новгородѣ. Проектъ академика архитектуры В. А. Покровскаго.

Швейцарцы предпочли первое. И, надо признаться, хорошо сдѣлали...

Очень музыкальная страна—сосѣдняя съ Швейцаріей—прекрасная Италія, воспѣтая поэтами.

Въ этой странѣ всѣ люди дѣлятся на двѣ неравныя части: одни поютъ, а другіе говорятъ о тѣхъ, которые поютъ. При этомъ, строго говоря, первые не поютъ, а вторые—разговаривающе—поютъ.

Всякій безпристрастный человѣкъ скажетъ, что было бы лучше если-бы устроилось наоборотъ. Поющие поютъ—если они поютъ—не въ Италіи, а въ окрестностяхъ: въ Петербургѣ, Парижѣ, Нью-Йоркѣ и въ Буэнос-Айресѣ. Эти окрестности такъ нравятся итальянскимъ пѣвцамъ, что у нихъ создается нѣчто въ родѣ поговорки:

— Дома—слава, а въ гостяхъ—деньги.

Когда ихъ приглашаютъ на гастроли въ родной городъ, антрепренеры имъ говорятъ:

— Будьте, какъ въ гостяхъ.

Меньшая часть людей, населяющихъ Апеннинскій полуостровъ разговариваютъ о пѣвцахъ. За это они не получаютъ ни славы, ни денегъ. Въ свободное отъ занятій время, — времени у нихъ много, а занятій мало—они поютъ въ гостиницахъ, въ кабинетахъ, на улицахъ, на

кухнѣ, на чердакахъ—и вообще во всѣхъ тѣхъ открытыхъ или закрытыхъ, уединенныхъ или публичныхъ мѣстахъ, гдѣ есть рояль или нѣтъ рояля. Абсолютно не умѣющие пѣть — свистать. Не умѣющие свистать—мычать. Не мычать—визжать.

Глухонѣмые же не отстаютъ отъ общаго уровня музыкальности и поютъ глазами, руками, шеей — вообще чѣмъ подвернется подъ руку.

Абсолютно же воздерживаются отъ пѣнія тѣ несчастные, которые по разнымъ причинамъ впади въ летаргическій сонъ. И дѣлаютъ они это только потому, чтобы ихъ не приняли за мертвыхъ и не похоронили бы.

Подобный случай былъ въ Италіи съ одной красивой дѣвушкой, которую называли Джульетта. Она описана—достаточно длинно и подробно—въ трагедіи «Ромео и Джульетта» английскимъ драматургомъ В. Шекспиромъ—тѣмъ самымъ, котораго не безъ успѣха пашутъ въ Россіи.

Не поюшіе обитатели Италіи знаютъ все, что касается оперъ и оперныхъ артистовъ. Кто, когда, гдѣ, почему и съ кѣмъ имѣлъ успѣхъ.

Кто, когда, гдѣ—не имѣлъ успѣха. Въ такомъ-то году, въ такомъ-то и такомъ! Кому, гдѣ и кто шикалъ! Кому, гдѣ и за сколько апплодировалъ! Если чужой

человѣкъ попадетъ въ подобное общество непоющихъ, то онъ будетъ оглушенъ и, разумеется, тутъ же, не задумываясь, рѣшитъ, что:

— Италія—самая музыкальная страна.

И ошибется—ошибется чужой человѣкъ. Онъ забудетъ про страну, жителей, которой будятъ музыкальнымъ речитативомъ.

— Клюква! Клюква ягода!

Или:

— Грибы моло-ды-е-е, гри-и-бочки!

Или:

— Носки, чулки, туф-л-и-и!

Или:

— Точить, вострить но-о-ожи, но-ожицы...

Онъ забудетъ про ораву дѣтей, музыкальныя старанія которыхъ смѣло могутъ конкурировать съ швейцарскими упражненіями на коврахъ.

Онъ забудетъ, наконецъ, про граммофоны, — Плевицкую съ Шаляпинымъ, Фигнера съ Кубеликомъ, Сарматова съ Энской...

Но если бы онъ вспомнилъ про это, и если бы въ его воображеніи пронесся хотя бы одинъ день нашего мѣсяца іюля или іюня съ самаго утра до вечера, — то этотъ чужой человѣкъ сказалъ бы съ глубокимъ убѣжденіемъ:

— Самая музыкальная страна въ мірѣ—это скромная дача подъ Петербургомъ. **Каинъ.**

„Петръ Великий“.

Декорація худ. Болдырева.

„Петръ Великий“.

Декорація худ. Болдырева.

Сказка

Гая похожа на сказку:
Глазки ся, точно фи,
Прячуть выдохнуто маску
Въ темныхъ пушистыхъ аллеяхъ.
Косы—бесспорны эмби
Держать въ оковахъ голову,
Трепетной лалии—шефъ
Это порою неловко.

Въ каждомъ словечкѣ у Гали
Звонко сбываютъ русали,
Даже въ сережкахъ фалки,
Полны душой печали...
Гая похожа на сказку,
Только въ сердечко—побушку,
Выгнавъ колдунью старушку,
Въ дѣтній, любовный моментъ
Вдѣвъ противъ правилъ... студентъ.

Сергій Михѣевъ.

Искусство джи.

(Афористическая замѣтка).

Человѣка, говоряшаго только одну правду, хорошо держать нонотскимъ сторожемъ, писемоводителемъ, или выдать за него дочь. Въ другихъ случаяхъ жизни, особенно въ троскахъ житейской общины, это удивительно неуныные и скучные люди. Когда правдивый человекъ возвращается изъ театра домой,—онъ подробно передаетъ вамъ все содержание спектакля, начиная отъ того, какое количество времени проходитъ между первымъ и вторымъ дѣйствиемъ и кончая фамилией квартирной хозяйки героя; послѣ этого на долгое время занятиемъ въ кинематографѣ, набѣгая даже разговора о театрѣ.

Если онъ прочтетъ романъ и вы попросите его рассказать о фабулѣ,—онъ сдѣлаетъ это съ такой пунктуальностью, что авторъ романа на продолжительное время сдѣлается вашимъ личнымъ врагомъ.

Его передача мнготости сегодняшней погоны, со всеми атмосферическими подробностями, сможетъ заставить васъ остаться дома и наглухо закрыть окна; докладъ о другой—сможетъ толкнуть на длительную прогулку безъ зонга и шляпки...

Дѣйствительно, окрашивать жизнь только лучи... Лучи всегда имеютъ вѣкъ, что онъ вамъ наврѣтъ, заражая васъ своей выдумкой, въ

которой онъ всегда главное дѣйствующее лицо! Если онъ вамъ рассказываетъ о трамваѣ, перѣхаживаетъ старуху, которые съ факирской быстротой выросли изъ столкнутой велосипедистомъ дѣвочки, вамъ удастся, главнымъ образомъ, осведомиться не о состоянии вагоновожатого, а о его, лгуна, самочувствіи.

Шелья,—вспансиво рассказываетъ онъ,—смотри на свои ботинки и лужай: почему это у другихъ гуталины носки подъ зеркало развѣдывается, а у меня мать оставляетъ. Наю, думаю, въ другомъ мѣстѣ попутать да со спеціальнотой трапалочкой. Тутъ ее и разлавию.

— Кого?—удивленно спрашиваете вы,—трапалочку?

— Какую трапалочку?—изумляется лгунъ.— Кто сказалъ: трапалочку?

— Да разавалию кого?..
— Старуху, конечно. Шла, и разлавию. Трамвай—это вамъ не собака. Налетѣлъ—отъ старухи одинъ перья полетѣли. Ноги въ одну сторону, туловище въ другую, голова, конечно.. Вокочила старуха и кричить—задавили! Мозгъ разбрызганъ... Еле-еле ее успокоили. Въ больницу отвезли...

— Какой ужасъ,—морщитесь вы,—возмоги тутъ!

— А я вотъ ничего,—самодовольно проиносится лгунъ, добросовѣстно откидывая фактъ—не перетрусилъ... Бросился впередъ, схватилъ ее подъ ушлы и остановилъ... Прямо подъ копытами былъ, а остановилъ...

— Кого—старуху?..

— Какъ старуху?—снова изумляется лгунъ—пошла.

— Какую пошла? Вѣдь тутъ трамвай давлалъ.

Лгунъ улыбается снисходительной улыбкой.

— А у полицейскаго коннога—развѣ не пошла?.. Что же онъ по вамшеу, на обнаружъ лодить...

— Такъ зачѣмъ же у него пошадъ останавливать?

— Какъ зачѣмъ?.. А! Да, что съ вами говорить... Вы всегда придираетесь... Жалѣете, что не съ вами это произошло...

И лгунъ отходить обиженный. Обиженный, потому что если бы вы ему повѣрили, онъ на самомъ дѣлѣ увѣрилъ бы себя въ томъ, что онъ дѣйствительно, спасъ старуху...

Вѣда въ томъ, что русскій лгунъ не умѣетъ лгать. Ложь—величайшее искусство, хотя бы уже потому, что искусство—красная ложь. Когда художникъ рисуетъ дѣвушку съ кошкой, или беллетристъ описываетъ потрошенную вѣдь арестанта,—ничего этого на самомъ дѣлѣ нѣтъ: ни кошки, ни вѣдьки, ни арестанта, ни дѣвушки. Все придумано для того, чтобы ира-

сиво обмануть. Если художникъ и беллетристъ талантливы—они обманутъ настолько добросовѣстно и живононо, что имъ все повѣрятъ и будутъ восхищаться.

Если же одинъ нарисуетъ кошку съ рогами, а другой арестанта одѣнетъ въ вополопный костюмъ—никто не повѣритъ и назоветъ обонихъ врунами.

Добросовѣстная ложь всегда интересна и поэтому добросовѣстныхъ вралей я люблю ужасно...

Добросовѣстный враль всегда удаляетъ свидѣтелей своего рассказа.

Говоря о чудесномъ спасеніи имъ дѣвушки изъ-подъ леопарда, онъ непремѣнно скажетъ:

— Ахъ, если-бы покойникъ Петровъ, добрый англичанинъ Смилъ, похороненный въ Валь-параизо, и негръ Нконъ, котораго такъ безжалостно линчевали американцы—могли-бы рассказать вамъ какой это чудный былъ моментъ... Леопардъ бросился на Нину и почти уже впился зубами въ горло, какъ я успѣлъ ткнуть ему ножъ въ сердце. Леопардъ упалъ безысходнымъ къ ногамъ Нины... Вскорѣ послѣ этого я попросилъ у нея руки и если-бы не эта проклятая желтая выхорачка, унесшая ее въ могилу, я былъ бы счастливейшимъ смертнымъ...

Попробуйте, принимая во вниманіе полнѣйшее отсутствіе свидѣтелей, поколебать такого вралю самыми подробными справками,—онъ никогда не уступитъ своей позиціи.

— Виновать... А, вѣдь, кажется, я гдѣ-то даже читалъ это, газетары же бросаются на дѣвушекъ... Особенно на блондинокъ.

Добросовѣстный враль ласково улыбнется,

вѣжливо кивнетъ головой и быстро согласится.

— Вы правы, совершенно правы. Я самъ читалъ это и мнѣ приходилось съ этимъ сталкиваться въ жизни, я даже былъ свидѣтелемъ одной ссуды, какъ леопардъ съѣлъ одну дѣвушку и только пошла по голому и увидѣлъ, что она блондинка, пошелъ,—а еще говорятъ, что у вѣдь нѣтъ горя—и поѣхали на ланѣ. Но это все относится къ леопардамъ индѣйскимъ, а я говорилъ объ американскомъ, водящемся подъ 59° сѣв. широты и 37° долготы...

Вамъ остается или повѣрить, или вновь осведомиться у вралей: какими образомъ онъ, не зная никакого языка, кромѣ русскаго, могъ столько времени путешествовать по Америкѣ, хотя бы и Южной.

— Видите-ли,—съ той-же вѣжливо улыбкой отвѣтитъ добросовѣстный враль,—я научился языкамъ нѣсколькихъ мѣстныхъ племенъ, главнымъ образомъ, племена тхлю-коа и объяснялся на ихъ нарѣчьи...

— А какъ это?—негодующе спрашиваете вы, чувствуя, что никто изъ присутствующихъ не

можетъ благо объяснить на этомъ мало распространенномъ языкѣ.

— Какъ? Да очень просто. Напримѣръ,—я люблю васъ будетъ: ткой нго пьянга. Дай мнѣ хлѣба—кри пружа волимъ... У нихъ даже стишки есть такіе забавныя:

Капра тина пай ния
Тан лунъ кани сіа.
Милые стишки... Я и ого я аль...

Такого лгуна вы не поймаете. Конечно, если-бы вѣдь присутствовалъ лгунъ-отецъ, который бы могъ документально показать, что всѣ скитанія по Америкѣ ограничивались одной лповѣдой въ сосѣдній губернский городъ для сдачи экзаменовъ—можетъ быть лгунъ былъ-бы поперемѣн, но при отсутствіи точныхъ данныхъ никто не усумнится въ его словахъ...

Мѣсто дѣйствія всѣхъ рассказовъ добросовѣстного лгуна всегда носитъ въ себѣ зачатки мистицизма. Если это улица—то обязательно безъ фонарей и такая маленькая, что у лгунъ нѣтъ даже собственного названія: если это городокъ, то настолько ватерный, что трудно даже сказать сохранился-ли онъ теперь, въ наше бурное время...

Когда добросовѣстный лгунъ говоритъ о литературѣ, онъ только дѣлаетъ намеки на то, что не всѣ рассказы одного извѣстнаго писателя написаны самостоятельно и что было время, когда этотъ писатель не гнушался подпи-

сывать своимъ именемъ произведенія кой-кого другого...

Совсѣмъ другой характеръ носитъ ложь вралю недобросовѣстнаго.

Эти люди работаютъ, какъ неопытные воры, влѣзающе въ форточку окна перваго этажа за бронзовымъ прессъ-папье съ письменнаго стола...

Только что кончивъ рассказывать о томъ, что всю прошлую недѣлю онъ пролежалъ въ бѣлой горячкѣ, которая явилась прямымъ слѣдствіемъ желудочнаго катарра и тяжелой любовной драмы, недобросовѣстный лгунъ непосредственно приступаетъ къ рассказу о томъ, что съ нимъ произошло третьяго дня въ Николаевскомъ салу.

— Иду я, вдругъ вижу—идетъ Петръ Николаевичъ, который умеръ недавно. Всмотриваюсь—никого... Цѣлый день очухаться не могъ... Все по городу шляется...

— Извините,—робко спрашиваетъ чей-нибудь голосъ изъ угла,—вѣдь вы въ горячкѣ лежали... Бѣлая тама... Какъ-же вы могли встрѣтить Петра Николаевича...

Недобросовѣстный лгунъ всегда обижается и начинаетъ горячиться.

— Какъ встрѣтилъ—какъ всѣхъ встрѣчаютъ... Иду и онъ идетъ...

— А бѣлая горячка?

— Что вы все бѣлая, да бѣлая... Онъ не отъ горячки умеръ...

— Кто не отъ горячки?..

— Какъ кто? Петръ Николаевичъ... Слушать преспокойно въ банковской конторѣ... А вы—горячка...

— Такъ почему-же онъ исчезъ?..

— Я почему знаю... Говорю вамъ, всю прошлую недѣлю пролежалъ...

Свидѣтелей недобросовѣстнаго лгунъ не кидаетъ, а наоборотъ старается привлечь самыхъ спокойныхъ и пользующихся довѣріемъ людей.

— Вы знаете,—пониженнымъ шепотомъ рассказываетъ онъ гдѣ-нибудь въ углу,—въ прошлую субботу я въ клубѣ эмю видѣлъ. Ползетъ по полу... Полаала, потомъ въ форточку выльзла. Марью Карловну хвостомъ задѣла...

— Въ субботу?—неповѣрчиво спрашиваетъ кто-нибудь изъ слушателей, пытаясь уличить лгуна,—да, вѣдь, въ субботу Марья Карловна у насъ въ карты играла...

— А что-же,—нагло спрашиваетъ въ этихъ случаяхъ недобросовѣстный лгунъ,—эмю карту что-ли боятся?..

— Не карты, а... какъ-же она могла пасть въ клубъ...

— Кто въ клубѣ—эмю?

— Нѣтъ, Марья Карловна.

— Прѣхала. Очень просто. Самъ видѣлъ. Въ бѣломъ платьѣ...

Труппа свободнаго театра въ Москвѣ.

„Борись Годунов“ на американской сцене

— Весь вечеръ въ зеленомъ сидѣла...
 — Ну, у васъ въ зеленомъ, а въ клубѣ—въ бѣломъ. Очень просто.
 — Такъ какъ-же она уйти могла незамѣтно?..
 — Значить, я вру?
 На такую прямую постановку вопроса рѣдко кто возражаетъ и недобросовѣстный лжецъ чувствуетъ себя успокоеннымъ.
 Касаясь области литературно-исторической, недобросовѣстный лжецъ не щадитъ неопытныхъ слушателей и защищается авторитетами, какъ перевернутымъ кресломъ.
 — Знаете чѣмъ навѣянъ Гетевскій «Фаустъ»?— задумчиво спрашиваетъ онъ—самой простой ссорой автора съ Метерлинкомъ. Вотъ вамъ и знаменитости...
 — Позвольте, вѣдь, Гете жилъ въ началѣ девятнадцатаго вѣка... А Метерлинкъ...
 — Что въ началѣ девятнадцатаго вѣка?.. А Пушкинъ?...
 — При чемъ-же тутъ Пушкинъ?..
 — Пушкинъ при чемъ?.. Ну знаете, батюшка... Извините...

* *

Ложь—громкое творческое дарованіе. Хорошо лгущая женщина часто дѣлаетъ жизнь любимаго челоѣка раемъ. Лучшія книги міра—ложь...
 Почему-же мы стыдимся врать?..

Арх. Буховъ.

Деревенскій лавочникъ.

Хороши у Громова покои —
 Бѣлый полъ, глазастые обои,
 Столъ покрытъ лиловою клеенкой
 Въ клѣткѣ распѣваетъ кенарь звонкій.

Самоваръ ведерный дѣланъ въ Тулѣ;
 Сидя на плетеномъ желтомъ стулѣ,
 Пьетъ хозяинъ чай изъ бѣлой кружки,
 Забывая ломтями ватрушки.

Рядомъ съ нимъ супруга Евдокія,
 Бѣлолица, руки наливныя,
 Въ кофтѣ ситцевой, въ платкѣ зеленомъ,
 Пьетъ чай нехотя и съ видомъ соннымъ.

На стѣнѣ висятъ царей портреты,
 Въ мантии цари всѣ разодрѣты,
 А въ углу—кивотъ позолоченный,
 У кивота коврикъ—класть поклоны.

Кинувъ въ сахарницу свой огрызокъ,
 Покрестившись золоту иконныхъ
 ризокъ,

Лавочникъ походкою паучей
 Внизъ идетъ по лѣстницѣ скрипучей.

Въ лавкѣ пахнетъ дегтемъ, керосиномъ...
 Дверь, закрытую засовомъ длиннымъ,
 Открываетъ Громовъ и лукаво
 Щурится налѣво и направо.

Пѣтуны поютъ... Идетъ куда-то
 Странникъ съденскій и бородатый,
 Поднимаютъ пыль босыя ноги
 Съ глинистой разохшейся дороги.

Конь бредетъ на поле съ бороною,
 Дергаетъ веревочной возжою
 Баба тощая, въ худой паневѣ,
 Хмуря отъ лучей небесныхъ брови.

Въ лавку возвращается, зѣвая, —
 Распаковываетъ цыбикъ чая
 Громовъ, лавочникъ трудолюбивый,
 Собирающій богатство терпѣливо.

Б. Верхоустинскій.

Редакторъ Александръ Коганъ.
 Издатель: Т-во Изд. Дѣла «Копѣйка»
 въ лицѣ представителя М. Городецкого.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ НОВОСТЬ!

Впервые появились КРАСОЧНЫЕ снимки съ КАРТИНЫ (до сих пор еще нигдѣ не появлявшейся въ печати) знаменитаго русскаго художника

И. Е. РѢПИНА

„МНОГОСТРАДАЛЬНЫЙ ЮВЪ“.

Эта картина издана въ видѣ открытыя письма, съ большою точностью передающихъ въ КРАСНАХЪ превосходное произведение корифея русской живописи.

ЦѢНА ПЯТИ ОТКРЫТОКЪ 65 коп. съ пересылкой за назной бандеролью. ДЕСЯТИ энзепляровъ—1 р. 20 к., ДВАДЦАТИ ПЯТИ энзепляровъ—2 р. 65 коп.

Вся стоимость поступаетъ въ пользу ОБЩЕСТВА ВСПОМОЩЕСТВОВАНІЯ бывшимъ и настоящимъ воспитанникамъ гимназій ИМПЕРАТОРСКАГО Человѣколюбиваго Общества

(С.-Петербургъ, Крюковъ каналъ, д. 15), куда и просить обращаться съ требованіями на открытки.

Подробный систематическій сборникъ ОБРАЗЦОВЪ И ФОРМЪ

ДѢЛОВОГО ПИСЬМОВОДСТВА.

Полное практическое руководство къ составленію всякаго рода прошеній, дѣловыхъ актовъ и бумагъ (письма, прошенія, договоры, разнаго рода обязательства, судопроизводительныя бумаги, коммерческая корреспонденція, всевозможныя справочныя свѣдѣнія и пр.).

Новыя правила о порядкѣ направленія и принятія прошеній и жалобъ на Высочайшее имя приносимыхъ. Подробное описаніе порядка направленія въ подлежащія судебныя и административныя мѣста, всѣхъ дѣлопроизводительныхъ бумагъ, съ указаніемъ сроковъ ихъ подачи

Полное дѣлопроизводство и веденіе книгъ въ волостныхъ управленіяхъ по всѣмъ предметамъ ихъ вѣдомства.

Цѣлый рядъ свѣдѣній по вопросамъ: объ отрубн. хозяйствѣ, о выдѣлѣ и всему, что внесено на разсмотрѣніе Государственной Думы и Государственнаго Совѣта. Сюда же влюч. приговоры сельскихъ сходовъ по разнымъ вопросамъ, примѣрные приговоры о передѣлѣ земли, о выдѣлѣ земли къ одному месту одного домохозяина или цѣлой группы таковыхъ, приемные приговоры общества, выписи при выдѣлѣ по согласію общества, укрѣпительные акты, форма заявленій объ укрѣпленіи, удостоверяющія акты и приговоры, а также образцы и формы всякаго рода бумагъ, требующихся во всѣхъ случаяхъ какъ городской, такъ и сельской жизни.

Составилъ К. О. Кривецкій.

Цѣна книги 3 руб. Высылается съ налоговъ, платежей за 3 р. 65 коп., только по получении задатка не менѣе 1 руб.

С.-Петербургъ, Троицкая ул., д. 15-17. Книжный магазинъ „КНИЖНЫЙ ПОСТАВЩИКЪ“.

Целлофиксъ для Любителей

D.R. Patent № 176 323

Целлофиксъ вирируется лишь въ растворѣ поваренной соли.

Целлофиксъ картонной толщины. Она является самой дешевой бумагой, ибо растворы виражей и наклеиваются изливши.

Целлофиксъ на вершинѣ доброкачественности. Случаи творенія пятенъ въслѣдствіе попадающихъ негодныхъ растворовъ виражей исключены. Гарантируются хорошо сохраняющіеся отпечатки.

Целлофиксъ является въ пути самой идеальной бумагой. Химическіе препараты не требуются. Неудачи исключены.

Глянцевая и матовая бѣлая ЦѢНЫ: Матовая шама, гладкая и зернистая (Raster) Цвѣтная (разн. цвѣтовъ)

22 листа 9×12 см. 50 к. } не вклоч. 18 лист 9×12 см. 50 к.
10 " 13×18 " 50 " } почт. расх. 1 8 " 13×18 " 50 "

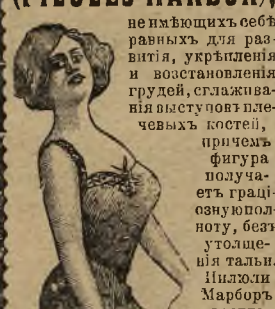
Требуйте Целлофиксъ-бумагу въ каждомъ складѣ фотограф. принадлежностей.

Единственная въ своемъ родѣ Kraft & Steudel, Fabrik photogr. Papiere G.m.b.H. Dresden A. 21.

Генеральное представительство для Россіи и Сибири: Торговый Домъ Генрихъ Политуръ въ Варшавѣ, ул. Пенная № 62

Идеальная грудь въ два мѣсяца съ помощью

Пилуль Марборъ (PILULE MARBOR),

неимѣющихъ себѣ равныхъ для развитія, укрѣпленія и восстановления груди, сглаживанія выступовъ плечевыхъ костей, причѣмъ фигура получаетъ грациозную форму, безъ утолщенія талии. Пилули Марборъ всегда благотворно дѣйствуютъ на здоровье и удачно применимы какъ къ женщинамъ, такъ и молодымъ дѣвушкамъ. Лечение производится въполнѣ незамѣт. Результаты на долгое время. Цѣна коробки съ указаніями 3 р. 50 к., пересылка бесплатно.

PRODUITS MARBOR, 45 rue de l'Ecliquier, Paris. Въ С.-Петербургѣ: Аптек. склады Вюлеръ, Невскій просп., 49; въ Москвѣ: Апт. Брунъ, Маросейка; въ Варшавѣ: Апт. Шиньскіи и Сынъ. 90384

Избранныя сочиненія А. Н. ДОБРОЛЮБОВА

цѣна 20 коп.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ: С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Книжн. магазинъ „Книжный Поставщикъ“, Троицкая ул., 15-17.

ГЕМОРИДАЛЬНЫЯ СТРАДАНІЯ и сопровождающія ихъ явления, какъ-то: кровотеченія, узлы, краснота, трещины и т. п. Устраняются рекомендованными врачами Нордвалевыми Суппозиторами быстро и вѣрно. Ли-тератур. высладается бесплатно. Нордвалевые суппозитори продаются во всѣхъ аптекахъ. Цѣна коробки 1 руб. 60 к. и 3 руб. 50 коп. главный складъ КОНТОРА ХИМИЧЕСКИХЪ ПРЕПАРАТОВЪ ЭРНСТЪ АЛЕКСАНДЕРЪ. С.-Петербургъ, М. Коношечная № 10.

Для расширенія оборота нашего склада худож. открыт. писемъ мы высылаемъ роскоши. альбомъ съ 300 разн. худож. отпр. бесплатно или платимъ, если въ этомъ дѣлѣ на добротѣ. **ПЯТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ НАЛИЧНЫМИ** всякому, кто правильно разрѣшитъ нижеслѣд. задачу и закаж. у насъ не менѣе 25 худ. отпр. писемъ. присл. 75 к. или налогъ. плат. 95 к.

Въ 9 клеткахъ квадр. слѣдуетъ расстав. цифры 1-9 въ такомъ порядкѣ, чтобы сумма по прям. линіямъ получалась суммою 15, и чтобы эта сумма повторилась возможно больше разъ. Право на участіе въ разрѣш. задачи имѣетъ лишь уплатившій за заказъ 25 отпр. пис. Такъ какъ кажд. правильно рѣшившій задачу получ. премію, то слѣд. указать, желательнѣе ли получить деньги или альбомъ, а также обозначитъ въ письмѣ и на маломъ толкомъ листкѣ точный адресъ. **О-во МЕРКУРИЙ, ЛОДЗЬ. М. 103.**

КЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ ЖУРНАЛА

„СОЛНЦЕ РОССІИ“.

Редакція журнала «Солнце Россіи» выпускаетъ въ скоромъ времени въ видѣ приложенія къ журналу **БОЛЬШОЙ ХУДОЖЕСТВЕННО-ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ АЛЬБОМЪ**

„МІРЪ ДѢТЕЙ“.

въ которомъ будутъ собраны портреты дѣтей и картинки дѣтской жизни въ изображеніи извѣстныхъ русскихъ художниковъ. Кромѣ того, въ альбомѣ будетъ отведено нѣсколько страницъ подъ наиболѣе **интересныя фотоэтюды изъ дѣтской жизни.**

Въ этомъ отдѣлѣ могутъ быть помѣщены фотографическіе снимки дѣтей и картинки дѣтской жизни, сдѣланные профессионалами или любителями-фотографами.

Мы приглашаемъ нашихъ читателей, располагающихъ интересными дѣтскими фотографіями, прислать ихъ въ редакцію «Солнца Россіи» (С.-Петербургъ, Троицкая ул., д. 16). Тѣ снимки, которые окажутся удовлетворительными въ художественномъ отношеніи, будутъ помѣщены въ альбомѣ.

Фотографіи должны быть доставлены не позже 1-го августа. Помѣтка: «Міръ дѣтей», а на оборотѣ фотографіи долженъ быть имѣла возможность, въ случаѣ помѣщенія фотографіи, въ экземпляръ альбома. Фотографіи, принятыя или непринятыя, должны быть сдѣлана шаго, чтобы редакція ее, бесплатно одинъ не возвращается.

ЦУНЬ
им. Н. А. Некрасова

2 000001 339503

4-й годъ
изданія

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

4-й годъ
изданія

съ 1-го ЮЛЯ

на большой еженедельный богато-иллюстрированный художественно-литературный журналъ

СОЛНЦЕ

РОССІИ

съ приложеніемъ художественныхъ альбомовъ.

„СОЛНЦЕ РОССІИ“ является первымъ и единственнымъ въ Россіи журналомъ, издаваемымъ по типу лучшихъ еженедельниковъ Запада, въ которомъ особенное вниманіе обращено на художественное и изящное исполненіе иллюстрацій, благодаря чему среди русскихъ еженедельныхъ журналовъ „Солнце Россіи“ занимаетъ совершенно особое мѣсто.

Ни одно болѣе или менѣе общедоступное изданіе въ Россіи никогда не давало подобныхъ иллюстрацій.

Въ полномъ соотвѣтствіи съ высокимъ качествомъ художественно-иллюстраціоннаго матеріала поставлена въ „Солнцѣ Россіи“ и литературная сторона. Въ журналѣ помѣщаются повѣсти, рассказы, очерки, юмористика, стихотворенія, карикатуры и т. п.

Въ числѣ сотрудниковъ „Солнца Россіи“ состоятъ лучшія силы современной русской литературы.

Особую извѣстность приобрѣли выпускаемые нѣсколько разъ въ годѣ **спеціальные номера „СОЛНЦА РОССІИ“**, посвящаемые какой-либо отдѣльной темѣ, какъ на примѣръ, «Толстовскій», «Пожаръ Москвы», «Рождественскій», «Пасхальный» и др. Эти номера выходятъ въ **значительно увеличенномъ размѣрѣ**, при чемъ наиболѣе цѣнныя картины въ краскахъ печатаются на мѣловой бумагѣ.

Въ 1913 году редакция „Солнца Россіи“ намѣчаетъ къ выпуску **цѣлый рядъ спеціальныхъ номеровъ**, которые по своимъ художественнымъ достоинствамъ должны будутъ превзойти все то, что давалось до сихъ поръ.

„Солнце Россіи“ выпускается въ художественныхъ обложкахъ въ краскахъ, причемъ каждая обложка имѣетъ свой спеціальныи рисунокъ.

Гг. подписчики, подписавшіеся съ 1-го Юля, получаютъ слѣдующіе три альбома:

- 1) Альбомъ **„КАВКАЗЪ“**, (Изъ серіи **„КРАСОТЫ РОССІИ“**);
- 2) Альбомъ произведеній **И. Е. РѢЛИНА**. (Изъ серіи **„РУССКАЯ ЖИВОПИСЬ“**);
- 3) Альбомъ **РУССКАЯ ДРАМА**. (Изъ серіи **„РУССКІЙ ТЕАТРЪ“**).

Каждый альбомъ представляетъ собою собраніе богатѣйшихъ иллюстрацій на больш. листахъ мѣл. бумаги, исполненныхъ частью въ краскахъ, частью фототипіей, автотипіей и др. способами.

Во избѣжаніе порчи при пересылкѣ обращено особое вниманіе на упаковку, какъ альбомовъ, такъ и журнала.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

Безъ приложенія альбомовъ:

на 6 мѣсяцевъ **2 руб. 50 коп.**

» 3 » **1 » 50** »

Съ приложеніемъ альбомъ въ:

на 6 мѣсяцевъ **4 руб.**

Лица, желающія получить журналъ „СОЛНЦЕ РОССІИ“, на мѣловой бумагѣ, приплачиваютъ къ стоимости журнала за полгода **1 руб.**

ПОДПИСНЫЯ ДЕНЬГИ АДРЕСОВАТЬ:

С.-Петербургъ, кохтора журкала „Солнце Россіи“, Троицкая ул., д. 16.

ПРОБНЫЕ НОМЕРА ВЫСЫЛАЮТСЯ БЕЗПЛАТНО.

Издатель: С.-Петербургское Товарищество Издательскаго Дѣла „КОПЪИКА“.